

Грин, переводчик с неизвестного | Grine, le traducteur d'une langue inconnue

Auteur: Дмитрий Быков , [Лозанна](#) , 18.09.2019.

Писатель Александр Грин (1880-1932)

Накануне летних каникул лозаннское издательство Noir sur Blanc выпустило, в рамках проекта «[Библиотека Димитрия](#)», обновленный перевод рассказа Александра Грина «[Крысолов](#)». Это дает нам повод познакомить читателей с эссе Дмитрия Быкова, посвященного прекрасному малоизвестному писателю. Написанный девять лет назад текст нисколько не потерял актуальности.

|

La veille des vacances d'été Les Éditions Noir sur Blanc ont publié, dans le cadre du projet « [La Bibliothèque de Dimitri](#) », la traduction revue et corrigée du récit d'Alexandre Grine

« [L'Attrapeur de rats](#)^Б ». Une belle occasion de partager avec vous un essai de Dmitri Bykov consacré au grand écrivain russe. Écrit il y a neuf ans, il n'a pas perdu de l'actualité.

Grine, le traducteur d'une langue inconnue

Грин указал русской литературе прекрасный, спасительный путь – прочь от России, или, если угодно, в Россию, но кружным путем. В самом деле, русскую реальность описывать больше невозможно, да и не нужно. В ней нет ничего нового. Описывать русскую жизнь – значит пилить опилки. Русский реализм давно выдохся. Русскую орнаментальную прозу – стилистические фиоритуры поверх все того же невыносимо однообразного пейзажа – читать в принципе невозможно. Все сюжеты уже были. Типажи по большей части описаны, а новым неоткуда взяться.

Проблема российской реальности не в том, что она кровава, криминальна, дискомфортна, тоталитарна и т.д., а в том, что она скучна. Вот просто вот скучна, назовем вещи своими именами. Исчерпана она еще русской классикой Золотого века, Серебряный попытался усмотреть в ней новые смыслы, но не преуспел, – и, положив руку на сердце, сологубовский «Мелкий бес» читается хуже, скучнее, чем «Творимая легенда», потому что в «Легенде» есть хоть второй пласт, пусть книжный и пошлый, а в «Бесе» единственной альтернативой провинциальному безумию служит хорошенький мальчик Саша Пыльников, поглупевшая реинкарнация Фалалея из «Села Степанчикова». Первое ощущение от русской реальности, как столичной, так и провинциальной, – неотвязное *deja vu*.

ALEXANDRE
GRINE

L'ATTRAPPEUR DE RATS

Traduction du russe et
introduction de Paul Castaing

 LES ÉDITIONS
NOIR SUR BLANC

Именно поэтому так трудно заставить читателя читать про русскую действительность, а писателя – описывать ее. Пройдитесь по стендам книжной ярмарки, попробуйте найти там книгу про современную Россию, а потом заставьте себя эту книгу прочесть. Все картины, которые вам откроются, будут мало того что безнадежно унылы, но главное – знакомы вам до последней реплики, до малейшего сюжетного поворота. В этом нет ничего особенного: если страна не производит новых сущностей, ей неоткуда взять новую литературу.

Это неочевидное, но серьезное следствие монотонности русской жизни, того свойства, которое тут еще иногда называют стабильностью: если результаты любых усилий стопроцентно предсказуемы, все биографии типичны, а все антиутопии от «Чевенгура» до «Хищных вещей века» по десять раз сбылись и стали выглядеть почти привлекательно – не следует ждать, что литература будет работать с такой реальностью. Литература худо-бедно ориентирована на новизну, а в сотый раз переписывать «Историю одного города», «Новых Робинзонов» и «Нравы Растеряевой улицы» ей неинтересно. Если кому из отечественных классиков и удавалось создать нечто увлекательное, они брали западные образцы: «Война и мир» представляет собою бесконечно более талантливую, но все-таки кальку с «Отверженных» Гюго, а Достоевский прямо наследует Диккенсу. Более или менее оригинальны Тургенев и Щедрин, почему их и читают не в пример меньше (на Западе, напротив, Тургенев был в большой моде и повлиял на французов – редкий случай обратной зависимости).

Стоило мне недавно на «Эхе Москвы» поздравить Грина с приближающимся юбилеем и призвать современников следовать его примеру, тут же раздалось некоторое количество гневного визга – по большей части эмигрантского: что это еще за советы уходить от реальности! Нет, надо описывать эту реальность, тыкать в нее носом, чтобы Россия видела себя в зеркале социального реализма! Что это еще за призывы писать русскую утопию? Россия не имеет права мечтать! Но лично я видеть в отечественной словесности бесконечное бичевание одних и тех же пороков отказываюсь: тема, простите за каламбур, избита так, что живого места нет. Литература сегодня должна разрывать круг русского существования и писать о том, чего еще не было, воспитывая в читателе опять-таки те качества, которых у него нет. Ибо то, что есть, обнаружило свою роковую недостаточность.

В России важно быть не прагматиком, а мечтателем, потому что в этой нелинейной стране степень исполнимости желания прямо пропорциональна не количеству вложенных усилий, а силе вашей личной жажды, интенсивности вашей веры.

Дмитрий Быков

Грина обычно помещают в один ряд с Густавом Эмаром, Буссенаром – увлекательно пишущими авторами экзотической подростковой прозы. Те, кто поумнее, справедливо числят его последователем Эдгара По, предшественником Лавкрафта – все трое похожи и внешне, и биографически; просится в этот ряд и Бирс. Я, пожалуй, включил бы в этот же ряд и Кафку – тоже сказочника, хоть и мрачного. Сходится в этих биографиях многое: тиранические либо безумные отцы, короткие жизни (от 42 до 52 лет), полная неспособность вписаться в социум, непризнание у современников, культ в потомстве... Кому-то, возможно, соположение Кафки и Грина покажется чрезмерностью – но это вы, господа, давно Грина не читали. Вряд ли кто-то с ходу вспомнит, про что «Земля и вода», «Враги» или «На облачном берегу» – рассказы, от которых, думаю, Кафка не отказался бы. Главный интерес к Грину, конечно, впереди – не только потому, что сказка сейчас стала главным жанром литературы, а потому, что Грина читать необычайно радостно, в его прозе растворен витамин жизнелюбия,

азарта, праздничности, а это сейчас самый большой дефицит. Напишут и серьезные книги про Грина – сейчас у нас есть всего одна его биография работы А. Варламова, и она Грин далеко не исчерпывает. Будут и филологические штудии, и подробное прослеживание гриновского генезиса – не из Купера же выводить этого автора. Грин сверхценен именно тем, что возвращает ощущение мира как чуда, жизни как приключения: не следует думать, что все острова открыты и телефонизированы, что все водопады нанесены на карты, открыты для туристов и снабжены макдоналдсами. Проза Грина сочинялась главным образом для аутотерапии, а потому и для читателя целебна. Грин, как капитана Пэда из «Пролива бурь», почти ничто в литературе не брало, ему нужно было только самое крепкое, вроде как Пэду – настойка смеси джина, рома и коньяка на имбирных семечках. И потому, чтобы забыть о вятской, или петербургской, или постсоветской реальности, – Грину требовались выдумки исключительной силы, пейзажи столь яркие и сюжеты столь динамичные, что лучшие его тексты по убедительности приближаются к невероятно счастливому, памяtnому с детства сну. Я не знаю в мировой литературе ничего более стимулирующего, зовущего к странствию или поступку, – ничего более гипнотизирующего, если угодно; но гипноз усыпляет, а Грин пробуждает, ибо то, о чем он пишет, и есть подлинность.

Гипноз – это серая погода, производительные силы и производственные отношения; финансовые потоки, глинистая почва, интриги в провинциальном драматическом театре; монструозный, с тремя кольцами охраны, особняк на узком шоссе с вечной пробкой; грубый, зловонный начальник на нелюбимой работе; надутые карлики на котурнах. Реальность – это тропические леса, звездное небо над океаном, женский голос, поющий на берегу, облачная гряда над диким плоскогорьем, таинственные слова, вдруг раздающиеся в ушах, порывистые и нервные люди, к которым так подходит определение из «Жизни Гнора» – «гибкая человеческая сталь». Для пошляка все это пошлость, но для того, кто по блоковской «пылинке дальних стран» способен домыслить мир, – это и есть единственная бесспорная подлинность, а пошлость – призыв открыть наконец глаза и начать жить настоящим. Яркость Грина – не олеографическая, а сновидческая, влажные ослепительные краски детской переводной картинки, воспоминание о мире, где все мы когда-то были и по глупости своей променяли его на вид из окраинного окна. Хотя и из этого вида гриновская волшебная голова способна была сделать чудо.

Понять, что Грин гениальный писатель, – полдела. Грин – полезный писатель. Он ничему вас не учит, но делает с вами что-то, дающее иммунитет от всяческой подлости – чужой и, что особенно важно, своей. Новелла Матвеева

Штука, однако, в том, что Грин не уводит от России, а, как и было сказано, приводит к ней другим путем. Его проза – не описывающая, не констатирующая, но иницирующая. Читатель Грина воспитывает в себе те самые чувства, которые позволяют счастливо жить именно в России: мечтательность, бескорыстие, упрямство, способность к поступку, презрение к слишком долгой рефлексии, преданность, благодарность, склонность ко всему избыточному и непрагматическому, парольное умение выбирать и узнавать своих, способность уйти от бессмысленной конфронтации и выстроить альтернативу; азарт, горячность, страстность, желание жить, умение не заниматься ненужным и нежеланным; наконец – способность построить тот мир, в котором хочется жить. В гриновском мире – хочется, он заразителен и соблазнителен, и Россия в силу своей огромности и щелястости устроена так, что в ней множество ячеек, где этот мир можно себе

построить, не слишком пересекаясь с прочими. Стратегия строительства и последующего сохранения такого мира отлично описана в «Колонии Ланфиер»: если от НИХ нельзя защититься оружием – можно бросить ИМ горсть золотого песка, и они сами передерутся (хотя «Ланфиер» – не только и не столько про это, а еще и про то, как смешон сверхчеловек, зависящий от капризной и корыстной субретки).

Грин учит тому, что мечта осуществима, что счастье – результат конкретного усилия, и об этом – не только хрестоматийные «Алые паруса» (в них как раз самое интересное не Ассоль и не Грэй, а Каперна), но скорее прелестный рассказ «Сердце пустыни». В России важно быть не прагматиком, а мечтателем, потому что в этой нелинейной стране степень исполнимости желания прямо пропорциональна не количеству вложенных усилий, а силе вашей личной жажды, интенсивности вашей веры. Здесь сбывается не то, ради чего много работаешь или толкаешься локтями, а то, чего действительно очень хочется (иногда это то, в чем себе не признаешься). Цель в России достигается по диагонали: работаешь на один результат, а получаешь другой, непредсказуемый. Но зато мечты, как правило, сбываются – если только по пути к ним научишься отвергать суррогаты, как оттолкнул несколько подделок герой «Крысолова».

Главное же: в России побеждает тот, в ком есть сила жизни, желание жить и категорическое нежелание иметь дело с подлецами; побеждает непрагматическое благородство, а вовсе не ползучее приспособленчество. Где-то в мире, может быть, и нужно делать карьеру, а в России она сжирает все силы, и когда вырастишь свой пресловутый крыжовник – нет уже ни сил, ни желания его есть. Зато тот, кто, не поступаясь собой, занят бесполезным и увлекательным, – глядишь, и намоет золотого песка, нужного только затем, чтобы подарить его какой-нибудь сумасшедшей туземке.

Грина я, конечно, читал и раньше, но лучшие его вещи и качества открыла мне Новелла Матвеева. Точнее всего кажется мне одна ее фраза: «Понять, что Грин гениальный писатель, – полдела. Грин – полезный писатель. Он ничему вас не учит, но делает с вами что-то, дающее иммунитет от всяческой подлости – чужой и, что особенно важно, своей». Я бы добавил к этому: Грин – писатель, которого следует вместе с лекарством давать больным детям.

Что до ахматовского отзыва «Перевод с неизвестного», это, если вдуматься, комплимент. Вся литература – перевод с неизвестного, с божественного. Назад, к Грину – а точнее, вперед, к Грину. К литературе, дающей читателю концентрат счастья. Видит Бог, русский читатель это заслужил.

От редакции: Редакция «Нашей Газеты» выражает благодарность Дмитрию Быкову за разрешение на публикацию текста, впервые появившегося в 2010 г. в «Новой газете».

[литература](#)

Статьи по теме

[Новая жизнь «Библиотеки Дмитрия»](#)

[Дмитрий Быков: «Роман “Оправдание” был попыткой борьбы с имперским комплексом»](#)

[Дмитрий Быков: Интеллигенция – лучшая часть народа](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/grin-perevodchik-s-neizvestnogo>